

МОЙ ИНСТИТУТ

© 2017 г. **М.Г. Носов***

Статья поступила в редакцию 29.04.2017.

Я, наверно, первый человек из числа сотрудников Института США и Канады, вступивший под своды старинного особняка – усадьбы XVIII века в Хлебном переулке. Каменный дом, в котором находится Институт, был построен в 1758 г. обер-прокурором Лукьяном Ивановичем Камыниным, жившим в нём до 1788 г. Дом сгорел во время пожара 1812 г., а каменный остов был выкуплен купцом Забелиным в 1815 г., и с этого времени построенный им дом сохраняет свой современный облик. Впервые я попал сюда в году 1944–1945 гг., когда наш детский сад водили выступать перед ранеными в госпитале, располагавшемся в аудиториях гуманитарного факультета МГУ.

Мне весь район, примыкающий к улице Воровского (теперь снова Поварской), где я родился в доме № 29 и прожил до 13 лет, был хорошо знаком с детства. Одним из излюбленных развлечений нашей детворы было катание на прикрученных к валенкам коньках по Хлебному и Ржевскому переулкам. Движение тогда было совсем неинтенсивным, и мы, цепляясь провололочными крюками за редкие грузовики, катились до Мерзляковского переуллка. Став постарше, я часто бывал в этом особняке у моего одноклассника по 103-й школе Жени Долгопольского. Его семья жила в коммунальной квартире на первом этаже, где потом располагался институтский буфет. Помню, как в школе раздавали бутылочки с фиолетовыми чернилами, и мы радостно демонстрировали свою ненависть к "клике Тито и Ранковича", кидая их в стену Югославского посольства на углу Хлебного и Малого Ржевского переулков.

С тех пор прошло очень много лет, и я вернулся в этот дом в 1977 г., когда Владимир Петрович Лукин пригласил меня оппонировать на защите диссертации его аспирантки Галины Орионовой. В то время я работал в ИМЭМО, где моя научная карьера складывалась вполне благополучно. Я защитил кандидатскую диссертацию, четыре года был секретарём комсомольской организации института, а мой научный руководитель Дмитрий Васильевич Петров – секретарём партийной организации института. Когда много лет спустя в ИСКРАН приехал звезда наших пропагандистских ток-шоу Дмитрий Саймс (в "девичестве" Митя Симес), он начал своё выступление со слов благодарности за приглашение Сергею Михайловичу, а также Михаилу Григорьевичу (т.е. мне), который в ИМЭМО, когда я там работал, принял меня в комсомол и исключил из него. Всё сказанное было чистой правдой, поскольку в универси-

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института Европы РАН. Российская Федерация, 125009 Москва, Моховая ул. 11-3 (mikhailnosov@mail.ru).

тете Митю из комсомола исключили, кажется, за участие в экспедиции по поиску снежного человека, в результате которого он опоздал к началу занятий на два месяца, а в ИМЭМО его сначала приняли в ВЛКСМ, а через несколько лет тоже исключили, по прямому указанию Евгения Максимовича Примакова.

В 1978 г. я вернулся из полугодовой командировки в Японию и был полон планов научного роста. Ситуация изменилась в одночасье. Надежды моего шефа Д.В. Петрова на пост заместителя директора ИМЭМО, который ему был твёрдо обещан, рухнули, на это место был приглашён Е.М. Примаков, работавший в газете "Правда". Через несколько лет по его инициативе в ИМЭМО началась кампания по аттестации сотрудников. Первой же жертвой нововведения стал Д.В. Петров и "паровозиком" я, поскольку был его ближайшим сотрудником. Нам обоим по итогам аттестации была снижена зарплата. Д.В. Петров в тот же день ушёл работать в Институт Дальнего Востока, даже не предупредив меня.

Через несколько дней я подал заявление на отпуск, и больше на работу в ИМЭМО не вернулся. Почти три месяца я использовал на то, что почти безвылазно сидел на репетициях гениального оперного режиссёра Бориса Александровича Покровского, наблюдая, как он ставил свой шедевр "Похождение повесы" Игоря Стравинского.

В 1978 г. я начал работать в ИСКРАН – секторе Тихоокеанской политики США Отдела международных отношений, возглавлявшемся Генрихом Александровичем Трофименко. В секторе кроме В.П. Лукина работали Б.Н. Занегин, В.С. Руднев, В. Бирюков, А. Нагорный и Г. Орионова. Сидели мы тогда на втором этаже во флигеле Института, а потом переехали на четвёртый этаж здания на противоположной стороне Хлебного переулка (сейчас уже не существующего). Наш сектор работал тогда над книгой "США и проблемы Тихого океана". Главу об отношениях США и Японии готовила Г. Орионова, но получилась так, что она, даже не приступив к её написанию, выпала из коллектива (уехав в Англию переводчиком, она там и осталась). Главу пришлось писать мне не только в самые сжатые сроки, но и в строго очерченных размерах. Главу я написал, и книга вышла в 1979 году.

Сектор в те годы много занимался проблемами Китая, отношения с которым находились, как мне кажется, на весьма низком уровне. В секторе сложилось мнение о необходимости что-то менять. Хорошо помню, что когда В.П. Лукин подготовил записку о необходимости корректировать вектор нашей политики в отношении Пекина, последовал достаточно резкий окрик со стороны Международного отдела ЦК КПСС. Тем не менее, мы пытались отстоять свою точку зрения.

В 1981 г. я начал сотрудничать со Стокгольмским Институтом проблем мира (СИПРИ) и оказался первым советским исследователем, которому предложили работать в Швеции на постоянной основе. В соседнем со мной кабинете работал представитель Китая, мы поддерживали с ним дружеские, но достаточно формальные отношения. Однажды я сказал ему (на свой страх и риск), что наше посольство в Стокгольме поручило мне прозондировать вопрос о возможности восстановления научных связей между СССР и КНР. Мой китайский коллега молча меня выслушал, но ничего не ответил. Прошло около ме-

сяца, и он, зайдя ко мне в кабинет, сказал, что китайская сторона готова возобновить научные связи. Я пошёл в наше посольство и сообщил послу о том, что китайские товарищи предлагают сотрудничать. Дальше всё пошло по накатанной бюрократической колее. Телеграмма в МИД и ЦК – и очень скоро Академия наук поручила ИСКРАН налаживать связи с Китаем. Первая институтская делегация во главе с Георгием Аркадьевичем поехала в Пекин, а на следующий год к нам приехала китайская делегация. Эти связи поддерживались практически до конца существования СССР.

Китайские делегации регулярно приезжали в ИСКРАН, и мы имели возможность не только встречаться с китайцами в Москве в нашем Институте, но и возили их по стране. Однажды с китайской делегацией я попал в Одессу. Нас принял мэр города, во время встречи он предложил нам встретиться с деловыми кругами города в кафе. Мы охотно приняли это предложение и пришли в небольшое кафе, где за столиками сидело человек тридцать одесситов. Сначала китайцы представились, рассказали о китайско-российской дружбе, и мы перешли к диалогу. Вопросы сыпались один за другим, пока не поднял руку пожилой господин, с хорошим одесским прононсом он сказал:

– Друзья, может, хватит говорить глупостей с нашими китайскими товарищами. Давайте, наконец, подпишем соглашение о намерениях и начнём шевелиться.

Переводивший, наш сотрудник Костя Плешаков, вопросительно посмотрел на меня. Я перевёл взгляд на задавшего вопрос, и он разъяснил:

– У нас есть, что продать, у них есть, что нам купить. Чего тянуть.

Это был период, когда рыночная экономика только делала свои робкие шаги и, к сожалению, мы не знали, что может стоять за соглашением о намерениях. В Одессе это было уже хорошо известно.

Институт США активно занимался и восстановлением дипломатических отношений с Южной Кореей. Всё началось с установления контактов с профессором Университета Льюиса и Кларка в Портленде (штат Орегон) Джозефом Ха. Активный и дружелюбный, он быстро стал другом нашего института и однажды предложил помочь нам установить контакты со своим соотечественниками в Сеуле, многие из которых занимали достаточно высокие посты в иерархии власти. Мы пригласили в Институт представительную делегацию южнокорейских парламентариев, и первый рабочий контакт между СССР и Республикой Корея был установлен. Корейцы, очень заинтересованные в установлении дипломатических отношений между Москвой и Сеулом, делали всё возможное, чтобы активизировать эти связи. Однажды меня вызвал к себе заместитель директора Радомир Георгиевич Богданов и сказал:

"Бери институтскую машину, купи цветы и поезжай встретить кандидата в президенты Республики Корея Ким Дэ Чжуна, который по пути из Венгрии в Сеул останавливается на два часа в Шереметьево".

Я поехал, встретил "кандидата" на границе, в буквальном смысле этого слова, поскольку я стоял по одну сторону черты, а он с супругой – по другую. Цветы были вручены, приветствие его на советской земле состоялось, и мы мило расстались. На следующий день в сеульских газетах появилось сообщение, что кандидат в президенты Ким Дэ Чжун посетил СССР. В первую по-

ездку в Сеул я поехал с Андреем Афанасьевичем Кокошиным, при этом в то время у нас с Сеулом дипломатических отношений не было, и прежде чем туда попасть, надо было получить корейскую визу в Японии. Через некоторое время Ким Дэ Чжун действительно стал президентом, и я встретился с ним на приёме, который он давал в московской гостинице "Метрополь"

Однажды мне в кабинет позвонила дежурная по зданию и сообщила, что на двух "Чайках" приехали какие-то иностранцы и спрашивают меня. Я спустился вниз и встретился с группой вьетнамцев. Оказалось, что к нам в Институт приехал посол Вьетнама в Москве вместе с легендарным героем войны с французами и американцами генералом Нгуен Зианом. Он хотел поблагодарить наш Институт в связи с тем, что у нас училась в аспирантуре его приёмная дочь, незадолго до этого защитившая под моим руководством кандидатскую диссертацию. И хотя визит носил протокольный характер, нам удалось поговорить о ситуации в регионе и о возможности сотрудничества.

Были мы тогда относительно молоды, работали в престижном институте, что компенсировало небольшую зарплату. У нас была интересная и стабильная работа, и мы были уверены в завтрашнем дне. Оптимизм подкреплялся верой в перестройку в стране.

С её началом начал меняться состав Института. В 1987 г. сначала в МИД, а потом в Секретариат Верховного Совета СССР ушёл В.П. Лукин, избранный в 1990 г. народным депутатом СССР. В 1991 г. стал заместителем министра обороны Андрей Кокошин. В том же году перешли на телевидение Коля Сванидзе и Игорь Малащенко. Несколько человек ушли в МИД, кто-то занялся бизнесом. Один из наших сотрудников из военного отдела, получивший предложение перейти работать в "Росвооружение", рассказал мне о разговоре с начальником этого учреждения:

Он спросил меня, сколько я получаю в Институте. Я ответил, а он сказал: "У нас вы будете получать больше не "на", а "в".

Всё же Георгию Аркадьевичу удалось сохранить костяк Института. В конце 1991 г. я защитил докторскую диссертацию на тему "Японский фактор в политике США (1945–1990)". Моими оппонентами были Н.П. Шмелёв, В.П. Лукин и специалист по Японии Б.Р. Поспелов. К началу защиты в институтском конференц-зале собрался Учёный совет, но из трёх оппонентов пришёл только Б.Р. Поспелов. Н.П. Шмелёв прислал письменный отзыв, а от В.П. Лукина никаких сообщений не поступило. Ситуацию спас заведующий отделом Канады ИСКРАН Леон Александрович Баграмов, который сказал, что он внимательно читал диссертацию и попросил Учёный совет кооптировать его в число оппонентов. Это было сделано, и защита прошла вполне успешно. В то время правила ВАК не отличались сегодняшней "звериной" строгостью, а плагиатов и нарушений регламента защиты было намного меньше. Я стал одним из последних докторов наук в СССР – мой диплом датирован 29 декабря 1991 года.

Сравнивая ту защиту с навязанным нам протоколом заседаний Диссертационного совета, понимаешь разницу между атмосферой научного учреждения и казармой, в которую нас пытаются загнать бюрократы. При советской власти было немало такого в работе Института, что многим из нас не нравилось.

Мы всегда по очереди дежурили в дирекции по праздникам, у нас был Первый отдел, который занимался секретными документами, я несколько раз встречал Георгия Аркадьевича гуляющим перед Институтом с помощником Андропова, поскольку в кабинете разговаривать по определённым причинам они не хотели, но все эти и многие другие неудобства можно было объяснить.

Я с радостью принял реформы Горбачёва и считаю что, несмотря на его серьёзные политические ошибки, он вывел страну на путь развития и многими свободами, которыми мы сегодня пользуемся, обязаны его политической смелости. Другое дело, что мы не всегда были готовы воспользоваться полученными шансами и в результате почти тридцати лет поиска собственного пути имеем то, что имеем. Примером подобной эволюции можно считать запрещение членам Диссертационного совета выходить из зала заседаний, например в туалет, без объявления "технического перерыва" в ходе заседания. Несмотря на все недостатки, советская власть вряд ли додумалась бы до такого. Объяснить это можно только полным недоверием к учёным, а следовательно, неуважением к ним. При этом "борцы с фальсификациями" прекрасно знают, что до сих пор существует ряд журналов в списке ВАК, где за деньги можно опубликовать любую белиберду.

Когда в конце 1991 г. ситуация в стране изменилась ещё радикальнее – рухнул Советский Союз и мы потеряли престижность и в значительной степени востребованность – главным стал вопрос выживания. К счастью, нас поддерживали наши коллеги в США, вовлекая в совместные проекты. Эдуард Александрович Иванян неожиданно предложил мне принимать дома группы американцев, приезжающих в Москву по линии организации "*People to People*", московское отделение которой он возглавлял. К нам домой приходило человек 15 американцев, мы с женой их кормили и беседовали, а за каждого из них организация нам платила по 20 долл., что по тем временам обеспечивало, по крайней мере, месяцев пять безбедной жизни. Выживали как могли.

Постепенно ситуация стала стабилизироваться. Одним из важнейших направлений работы Института стала проблема безопасности в контексте российско-американских отношений. Это направление возглавил доктор исторических наук генерал-лейтенант и легендарный разведчик Михаил Абрамович Мильштейн. Отдел военно-политических исследований, в котором он работал до своей кончины в 1992 г., заложил основы исследований проблем контроля над вооружениями в Институте. В 1991 г. отдел возглавил Сергей Михайлович Рогов, ставший в том же году заместителем директора Института, а в 1995 г. – его директором. К работе отдела были привлечены выдающиеся военные специалисты – как действующие сотрудники Министерства обороны, так и отставные военные. 1990-е годы стали периодом развития отношений между Россией и США в сфере контроля над вооружениями, итогом которых стало подписание в январе 1993 г. Договора СНВ-2. Сотрудники Института в группе вместе с нашими военными выезжали в США.

В 1990-е годы между российскими и американскими военными и специалистами в сфере безопасности царил атмосфера взаимопонимания и стремления к сотрудничеству. Хорошо помню встречу в США в Министерстве обороны, в которой участвовали бывший начальник штаба РВСН генерал-полковник

Виктор Иванович Есин и ответственный сотрудник Пентагона Фрэнк Миллер. Шла очень доверительная беседа между военными, которые во многом определяли судьбы мира, поскольку и Есин, и Миллер отвечали за выбор целей ядерных ударов. Неожиданно Миллер сказал:

"Виктор, мы так были рады, когда ваш Хрущёв разделил совнархозы на промышленные и сельскохозяйственные".

Я, по наивности, спросил: "Почему?". На что Миллер ответил: "У нас стало в 2 раза больше целей".

А потом Виктор Иванович предложил показать Миллеру *"point zero"* в Пентагоне. Он повёл нас в центр каменного пятиугольника, где находилось кафе, показал пальцем вверх и сказал "моноблок" столько-то килотонн. А Миллер ответил: "В следующий раз, я покажу тебе, то же самое в Кремле". Они пожали друг другу руки, а я пожалел, что у меня не было с собой фотоаппарата.

Однажды в Институт приехал бывший министр обороны США Роберт Макнамара. Мы сидели в кабинете С.М. Рогова, и Макнамара обратился к В.И. Есину, который молодым лейтенантом был участником операции "Анадыр".

"Господин генерал, скажите, а на советских ракетах на Кубе были или нет ядерные боеголовки?"

"Я не мог знать о всех ракетах, но в моей части они были," – ответил Есин.

"Значит, я был прав, когда сказал Кеннеди, что это не блеф", – обрадованно воскликнул Макнамара.

В нашем общении с гостями были и смешные моменты.

Я стоял на втором этаже и увидел, что в Институт вошёл пожилой, скромно одетый человек в кепке и поздоровался с Аллой Васильевной Бобрышевой. Увидев меня, она крикнула: "Миша, скажи, пожалуйста, Арбатову, что к нему пришёл бывший Пономарёв".

Это действительно был бывший всемогущий секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарёв, курировавший все международные вопросы, но теперь, в её восприятии, ставший бывшим.

Конец 1999 г. был омрачён арестом сотрудника института Игоря Сутягина по обвинению в шпионаже по статье 275 УК РФ. Конечно, шпионом он не был, хотя бы потому, что не имел доступа к секретной информации. Но, во-первых, Игорь прекрасно понимал, что за деньги сотрудничал с представителями английских спецслужб, а во-вторых, сознательно не информировал руководство Института о своих контактах. На следствии он говорил о своих подозрениях и сомнениях, однако искушения деньгами преодолеть не смог. Игоря привозили в Институт для разного рода следственных экспериментов и однажды я, исполняя обязанности директора, встретил около Института машину, в которой его привезли. Сначала из неё вышел следователь подполковник Калужского УФСБ Калашников, который протянул мне руку со словами: "Очень рад Вас видеть". Я, естественно, не разделял его радости, и ответил, что лучше бы нам встречаться при других обстоятельствах. Следующим из машины вылез Игорь, и я протянул ему руку для рукопожатия, а он мне – сразу обе руки. Он был в наручниках.

Пока подчинённые подполковника повели Игоря в комнату, где он сидел раньше, следователь поднялся в мой кабинет. Я спросил его, что же такое Сутягин передал вражеским агентам, что позволило обвинить его в шпионаже. Оказалось, что речь шла о расположении ядерных объектов на территории России. Я включил компьютер, вошёл в сайт Федерации американских учёных (FAS) и показал своему собеседнику эти карты. На это Калашников резким движением выключил мой компьютер и на полном серьёзе произнёс: "Это у них – открытые данные, а у нас – засекреченные".

Логика подобного обвинения была проста, а наказание (9 лет тюрьмы) очевидно сурово, и мне чисто по-человечески было жаль Игоря, хотя в адекватности Игоря я сомневаюсь до сих пор. Года два назад он позвонил мне по мобильному телефону из Лондона и радостно предложил сотрудничать с ним в одном из социологических проектов, проводимых в Англии.

В то время смягчить удар по Институту в связи с арестом Игоря Сутягина директор смог, объявив Сутягину выговор "за несанкционированную поездку в Венгрию". Не меньшими были удары со стороны других предателей, достаточно подробно описанные в прессе. Один из них, отсидев свой заслуженный срок, уехал в США, другой сумел уйти от наказания.

Жизнь продолжалась, и в начале нового века мы стали, хотя и косвенно, ощущать плоды рыночной экономики. После кончины Михаила Абрамовича Мильштейна его сын и мой близкий друг Вадим, ушедший в бизнес, после защиты в ИНИОН докторской диссертации по экономике в память об отце учредил ежегодную премию имени М.А. Мильштейна. И вместе с ней в Институт пришёл человек, готовый помогать нам в нашей работе.

Одним из первых мероприятий, которое мы провели при помощи Вадима, а вернее на его деньги и деньги его партнёров, был перевод и издание книги Дэвида Рокфеллера "Банкир в XX веке", а также приглашение автора на презентацию книги в октябре 2003 г. Те три дня, которые я провёл с этим легендарным человеком запомнились мне надолго. Состоялись встречи с такими корифеями нашей политики и политологии, как Примаков, Арбатов, Журкин, Шмелёв, Лукин; принял нас и тогдашний мэр Москвы Ю.М. Лужков. В мэрии состоялась беседа, касающаяся создания в Москве Центра по профилактике детской онкологии. Я привлёк к этому проекту моего студенческого друга Давида Заридзе, президента Российского противоракового общества. Вдохновлённые поддержкой Рокфеллера и Лужкова, мы написали письмо президенту России, и это письмо с резолюцией президента В. Путина хранится у меня. В углу письма написано: "Министерству здравоохранения. Прошу рассмотреть инициативу Д. Заридзе и М. Носова. В. Путин". Реакции министерства мы ждём по сей день.

К работе с Рокфеллером мы смогли привлечь наших студентов-третьекурсников, для которых это был интересный и, пожалуй, первый ответственный опыт, а для нас – подтверждение важности подготовки молодых американистов.

Когда в марте 2017 г. Рокфеллер умер, мне позвонил корреспондент НТВ с просьбой поделиться впечатлениями о встречах с этой легендарной личностью. Я с удовольствием беседовал с корреспондентом минут сорок, рассказывая о

пребывании Рокфеллера в СССР и России, о его благотворительной деятельности, о его встречах с Арбатовым, Примаковым и Роговым. Однако в передаче, которая вышла в эфир через день, я увидел моего интервьюера, но не увидел себя. Люди, у которых брал интервью этот корреспондент, говорили лишь о мировой закулисе, возглавляемой Рокфеллером, а его благотворительность была сведена исключительно к исследованиям по евгенике, направленным на сокращение населения мира.

Следующим мероприятием, организованным Институтом, была Конференция послов США, СССР и России. Нам удалось пригласить в Москву, как нам казалось, всех американских послов, но уже после встречи мы получили письмо от Джорджа Кеннана, автора пресловутой "длинной телеграммы", ставшей основой политики "сдерживания" коммунизма. Мы знали, что он в течение четырёх месяцев в 1952 г. был американским послом в СССР, но нам в голову не приходило, что Кеннан, родившийся в 1904 г., был ещё жив. Однако учёный и политик, которому в год проведения конференции исполнилось 100 лет, обиделся на нас и написал, что хотя по состоянию здоровья он вряд ли смог бы приехать в Москву, но всё же приглашение ему мы могли бы прислать. Мы с извинениями послали Кеннану материалы конференции, обещая пригласить его на следующую встречу.

Начало нового века было ознаменовано созданием Факультета мировой политики в рамках Государственного академического университета гуманитарных наук. Идея образования учебного заведения по подготовке кадров для американистики и канадоведения возникла давно, но её реализация началась со случайной встречи с Александром Огановичем Чубарьяном, основателем этого университета. Он с большим интересом отнесся к моему предложению, и мы начали действовать в этом направлении. Всю организационную работу по получению лицензии и по хождению по министерствам взял на себя Алексей Демосфенович Богатуров. 1 сентября 2000 г. у нас появились первые студенты! Я был счастлив, что С.М. Рогов, хотя и не сразу, но увлёкся воспитанием молодёжи. Факультет благодаря его усилиям стал одним из самых престижных вузов Москвы, а его декан Валерий Николаевич Гарбузов впоследствии сменил Рогова на посту директора ИСКРАН.

Первые 28 лет Институтом руководил Г.А. Арбатов. По многим причинам это было время наибольшей востребованности Института. В силу своей карьеры Георгий Аркадьевич со времён работы в ЦК КПСС сохранил неформальные отношения с одним из самых влиятельных людей в СССР Ю.В. Андроповым, который 10 лет возглавлял в ЦК КПСС Отдел по связям с социалистическими странами. Это позволяло некоторые вопросы существования Института решать, минуя административные и бюрократические барьеры. Стилль управления Институтом, с одной стороны, в силу авторитета директора, был авторитарным, с другой – Георгий Аркадьевич во многом делегировал власть своим заместителям, и прежде всего Виталию Владимировичу Журкину и Радомиру Георгиевичу Богданову. Всеми хозяйственными делами занимался легендарный Василий Фёдорович Пономарёв, бывший охранник Сталина. Человек доброжелательный и прекрасный организатор, он сохранил священный трепет перед своим бывшим начальником. Однажды во время вечера

в Институте, как всегда проходившего очень весело и немного пьяно, Миша Малахин, расспрашивая Пономарёва о прошлом, спросил: "Василий Фёдорович, а Вы ведь могли изменить ход эпохи, у Вас же всегда пистолет был заряжен".

Надо было видеть возмущение Василия Фёдоровича таким кощунством. Когда Пономарёв ушёл на пенсию, его должность перешла к Михаилу Иосифовичу Гринбергу, который до сих пор со свойственным ему тактом, терпением и доброжелательностью ведёт эту сложную работу.

С Виталием Владимировичем Журкиным, курировавшим наш отдел, отношения поначалу не складывались. Прошло несколько месяцев, но обещанного в ИСКРАН старшего научного мне не давали. Я пошёл к В.В. Журкину на приём. Встретил он меня не слишком радушно и сказал: "Идите и работайте. Вы не в церкви, Вас не обманут".

И действительно, не обманул, старшего я получил. Через несколько лет я перешёл работать в созданный В.В. Журкиным Институт Европы. Он уже был его Почётным директором, передав бразды правления бывшему сотруднику ИСКРАН Николаю Петровичу Шмелёву, моему хорошему другу ещё со времён, когда и ИМЭМО, и Институт соцсистемы сидели в одном здании на Ярославке. На новом этапе жизни у меня сложились с Виталием Владимировичем самые тёплые и дружеские отношения, которыми я очень дорожу и стараюсь бережно сохранять.

Развал СССР и последние четыре года директорства Г.А. Арбатова, как я уже говорил выше, отличались тяжёлым финансовым положением Института и страны. Ситуация усугублялась тем, что Георгий Аркадьевич, вполне справедливо, не принимал многие действия "завлабов". Он очень тяжёло переживал и развал СССР, и начавшийся период невостребованности Института новыми руководителями внешней политики России.

Они быстро входили во вкус власти, которой пользовались широко и с удовольствием. Я очень хорошо помню, как в октябре 1990 г. во время заседания Учёного совета открылась дверь и в зал вошёл Владимир Петрович Лукин, занимавший в то время пост председателя Комитета Верховного Совета РФ по международным делам и внешнеэкономическим связям. Его сопровождала фигура, скромно державшаяся позади. Владимир Петрович взял слово и сказал: "Разрешите представить Вам только что назначенного министра иностранных дел России Андрея Владимировича Козырева".

Его спутник встал и робко поклонился. Через несколько лет, участвуя в совещании в МИД, я с интересом наблюдал появление этого министра в зале, где проходило совещание. Сначала вошли несколько фотокорреспондентов, занявшие позицию у входа, затем появились два или три секретаря, вставшие за стулом, где должен был сидеть министр, затем вошли два человека, по видимому, охранники министра. Наконец, появился министр и открыл совещание. Такие метаморфозы пережили многие назначенцы российской власти. Несколько мне известно, через некоторое время после назначения между Андреем Владимировичем и Владимиром Петровичем отношения были прерваны.

Несколько лет спустя директор Института Европы Н.П. Шмелёв при мне позвонил по вертушке тогдашнему министру внешнеэкономических связей РФ

и бывшему завлабу ЦЭМИ Сергею Глазьеву по какому-то вопросу. Когда Шмелёв повесил трубку, у него было озадаченное лицо.

– Ты знаешь, что он ответил мне? Он сказал: "Мы, министры, этими вопросами не занимаемся". Слава богу, что на посту министра Глазьев продержался меньше года.

После ухода Г.А. Арбатова с поста директора более 20 лет Институт возглавлял Сергей Михайлович Рогов. Его огромной заслугой, а можно, без преувеличения, сказать, подвигом, стало сохранение Института. Он жил и живёт исключительно его жизнью, беспокоясь относительно последствий перманентного кризиса наших отношений с США и новых уже внутренних угроз. Несмотря на уход многих ведущих сотрудников, в условиях постоянно сокращающегося финансирования, постоянной борьбы с различными претендентами на институтское здание, Институт всё ещё существует и работает.

В заключение этих отрывочных заметок об ИСКРАН хотелось бы сказать несколько не совсем юбилейных слов о роли академических институтов, занимающихся проблемами внешней политики. В моём возрасте, уже перевалившем за черту средней продолжительности жизни в России, мне посчастливилось работать в трёх ведущих институтах: ИМЭМО, ИСКРАН и ИЕРАН. Не боясь политической конъюнктуры и цензурных ограничений, сотрудники этих научных учреждений, как правило, честно и объективно старались информировать руководство страны о политике и экономике наших основных партнёров. К сожалению, в советское время, а тем более сейчас, наши оценки и прогнозы далеко не всегда принимались во внимание при принятии политических решений.

В 1979 г., перед вторжением в Афганистан Е.М. Примаков пытался объяснить руководству страны все негативные последствия такого шага. Резко отрицательно к этому относились и Г.А. Арбатов, и Н.П. Шмелёв. Если бы тогда кремлёвские старцы – Брежнев, Андропов, Устинов и Громыко, принявшие решение о войне, прислушались к мнению учёных, мы избежали бы трагедии Афганистана, гибели тысяч наших и афганских мальчишек и не создали бы предпосылок для рождения Аль-Каиды и ИГИЛ. В переломный момент перехода от социализма к рыночной экономике и Шмелёв, и Арбатов резко негативно относились к экспериментам "завлабов", а Примаков продемонстрировал своё отношение к ним своим недолгим премьерством, практически спасшим страну от экономического коллапса.

К сожалению, эти наглядные уроки ничему не научили власть предержащих. Мы по-прежнему живём в обстановке, когда внешняя политика есть производная от политики внутренней, когда телевизионная пропаганда, принявшая невиданные прежде масштабы, замещает принятие решений на основе научного анализа. Успешный союз между наукой и политикой возможен лишь при условии их креативного взаимодействия.

Сегодня отношения между Академией наук и государством, чьи интересы представляет ФАНО, складываются далеко не гладко. Государство не хочет или не может понять, что получение максимальной пользы от науки состоит не в дальнейшей её казарменной бюрократизации, а в создании условий для развития. Н.П. Шмелёв писал: "Без науки и культуры России не выжить. Это

когда-то понял Сталин, это понял Хрущёв, это с грехом пополам понимал Брежнев. Думаю, и нынешние это когда-нибудь поймут, не могут не понять. Может, они и авантюристы, но уж никак, надеюсь, не самоубийцы. Вот только есть опасность, что уж слишком поздно они это поймут".

Будем надеяться, что в следующие полвека отношения между наукой и государством изменятся в лучшую сторону.

Дорогие друзья и коллеги поздравляю всех искрановцев с 50-летним юбилеем! Сегодня мне кажется, что полвека это не возраст. Понимаю субъективность подобного ощущения, но уверен, что, по крайней мере, ещё полвека Институт будет жить и плодотворно работать на пользу нашей стране.

50th Anniversary of ISKRAN

My Institute

(USA ❖ Canada Journal, 2017, no. 9, p. 57-67)

Received 29.04.2017.

NOSOV Mikhail Gregorievich – Doctor of Sciences (History), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3 Mokhovaya st., 125009 Moscow, Russian Federation (mikhailnosov@mail.ru).